ЛИТРЕС

КРИСТИАН РОБЕРТ ВИНД

НЕЧТО ИЗ ДАРК МАУНТ

18+

Мрачная вселенная Фрэнка Миллера

Кристиан Винд

Нечто из Дарк Маунт

«Автор»

2020

Винд К. Р.

Нечто из Дарк Маунт / К. Р. Винд — «Автор», 2020 — (Мрачная вселенная Фрэнка Миллера)

ISBN 978-5-532-04708-2

Двадцатилетний Стэнли Вайд найден повешенным в заброшенном доме городка Дарк Маунт, где он жил последние несколько недель. Однако произошедшее не выглядит как банальное самоубийство: вокруг кровати расставлены зеркала, позволяющие видеть, что происходит под ней, а все стекла в старом доме закрашены отражающей краской. Друзья Стэнли Вайда в один голос утверждают, что незадолго до смерти парень начал вести себя очень странно, после чего оборвал все контакты и скрылся. Прибыв на место, Фрэнк Миллер находит улики, которые свидетельствуют об одном: Вайд пытался защититься от чего-то противоестественного...

ISBN 978-5-532-04708-2

© Винд К. Р., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Алекс Рид 5
Глава 2. Фрэнк Миллер 13
Глава 3. Дэйв Альварес 19
Глава 4. Алекс Рид 26
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Кристиан Роберт Винд
Нечто из Дарк Маунт

Эту трилогию я посвящаю всем, кто надломился, столкнувшись с вещами, которые невозможно преодолеть.

Людям, для которых жизнь – это ежедневное сражение с чудовищами из собственного подсознания.

Людям, которые все еще находят в себе силы для сопротивления и людям, которые давно пали.

Людям, чье небо всегда черное.

Глава 1. Алекс Рид

– Семерка червей, – Миллер самодовольно усмехнулся и швырнул потрепанную карту на полированную столешницу. – И я снова тебя сделал.

– Фрэнк, – я укоризненно посмотрел в его горящие восторгом серые глаза. – Я видел, как ты прятал в рукав двойку треф.

– Вовсе нет.

– Фрэнк…

Я многозначительно кивнул в сторону его правой руки, где из-под тонкой ткани светлого плаща стыдливо высовывался уголок игральной карты.

– Вот дерьмо, – он раздраженно тряхнул тонкими пальцами, и карта тут же целиком выскользнула из его рукава. – Ну ладно, возможно, я немного жульничал.

– Фрэнк, ты делаешь это каждый раз, когда мы садимся за игральный стол.

Я кивнул пробегавшей мимо светловолосой официантке, жестом призывая ее принести чек и рассчитать нас, а затем залпом допил изрядно нагревшийся виски из стоящего рядом бокала.

– Сегодня утром мне звонил Лаффер, – протянул я, чтобы как-то заполнить возникшую паузу. – Спрашивал, как мы поживаем и не решили ли мы наконец стать обыкновенными полицейскими.

– Обыкновенными? – Миллер хмыкнул и чиркнул зажигалкой. – Я бы с удовольствием это сделал, Рид. Но, боюсь, мне никогда этого не позволят.

В крошечном баре было холодно и темно. Место у нашего столика освещал лишь оранжевый настенный светильник. Посетителей в этот поздний предрассветный час почти не было – только у дальнего столика сгрудилась парочка уставших стариков, потягивающих самый дешевый джин прямо из зеленоватого горла бутылки.

В воздухе пахло чем-то сырым, унылым и тяжелым. К этому удушливому аромату примешивались оттенки плесневелой древесины, запах выветрившегося спирта и густой табачный смог. Одним словом, совершенно типичное амбре дешевого пригородного паба. Я бы с удовольствием предпочел скоротать ночь в любом другом месте, но Миллер настоял на том, чтобы мы заглянули именно сюда.

– Ну, тебе неплохо платят за это, Фрэнк, – я покосился в его задумчивое и помрачневшее лицо. – Скажем откровенно, я не могу позволить себе снимать такое жилье, как у тебя. Никто из рядовых детективов Вашингтона не может.

– Да, – он сделал шумную затяжку и равнодушно выдохнул в потолок белесую струю дыма. – Мне несказанно повезло, черт возьми.

Официантка небрежно опустила на столешницу кожаный уголок с белеющим из него чековым листом. Миллер молча раскрыл кошелек и швырнул поверх него несколько крупных купюр, даже не глядя на сумму.

– Раз уж я настолько богат и успешен, – мрачно хмыкнул он. – И мы сегодня отмечаем мой чертов день рождения, то позволь мне напоследок утащить тебя в еще одно местечко.

Я вздохнул и потер уставшие глаза. Затем поглядел в бледное лицо напарника, едва виднеющееся за плотной пеленой едкого табачного дыма, и произнес:

– Только больше никаких сомнительных питейных заведений, Фрэнк. В меня уже не влезет ни капли виски.

Он молча усмехнулся, поднялся из-за стола, заметно качнувшись в сторону и с трудом устояв на ногах, запахнул смятые полы плаща и коротко ответил:

– Идет.

Спустя несколько минут мы наконец выбрались под раннее апрельское небо спящего города, и я с удовольствием набрал в легкие холодный утренний воздух. Густые тучи над нашими головами уже успели подернуться бесформенными пятнами цвета фламинго, но внизу, на пустынных улочках, пока царил серый сумрак.

Я спрятал ладони в карманы пальто и двинул вслед за Фрэнком, который неспешно шагал к авто, припаркованному на обочине. Разглядывая его спину издалека и изучая глазами знакомую ткань тонкого плаща, я внезапно словил себя на мысли о том, что понятия не имею, какую конкретно дату мы с размахом отмечали всю сегодняшнюю ночь.

Несмотря на то, что мы работали вместе уже третий год, я почти ничего не знал о Фрэнке Миллере. Стоило мне задать слишком личный вопрос своему напарнику, и он мгновенно менялся в лице. А затем уклонялся от ответа, резко меняя тему разговора, или же просто-напросто замолкал, впадая в какое-то угрюмое оцепенение.

– Миллер, – окликнул я, когда он резво запрыгнул на водительское сидение, хлопнув дверцей.

Молодой детектив повернул голову и окатил меня вопросительным взглядом сквозь боковое стекло, прикусив кончиками зубов дымящуюся сигарету.

– Сколько лет тебе исполнилось сегодня? – я уселся в кресло рядом и с наслаждением откинулся на спинку, с трудом поборов желание прикрыть воспаленные глаза хотя бы на мгновение. – Хочу знать, сколько раз мне нужно будет подергать тебя за уши.

Фрэнк на мгновение задумался, как будто не в силах понять, чего именно я от него хочу. Затем надавил носком ботинка на педаль газа, и машина плавно двинула по пустой ленте шоссе.

– Двадцать семь, – пробасил он наконец. – Или около того.

– Ты прямо как девица, – я не смог сдержать улыбки.

– Это еще почему?

Миллер нахмурился и бросил в мою сторону короткий взгляд. Я тут же отметил, что под его глазами залегли глубокие тени. Он всегда выглядел уставшим и слегка потрепанным, словно страдал от хронической бессонницы, но последние месяцы его лицо стало особенно изнуренным.

Временами мне даже всерьез казалось, что Фрэнк неотвратимо меняется. С тех пор, как мы закрыли шумное дело о спятившем нью-йоркском художнике, он все чаще замыкался в себе и все реже соглашался выбраться куда-то на выходные вдвоем несмотря на то, что после возвращения из Блэк Вудс это стало нашей своеобразной традицией.

Вытаскивать Миллера из его мрачных апартаментов по вечерам становилось все сложнее. За последние пять недель он ни разу не согласился совершить набег на ближайшие пабы, как частенько бывало прежде, и лишь сегодня ночью мне наконец удалось выманить напарника из его сумрачного жилища.

– Потому что неохотно говоришь о своем возрасте, – пояснил я. – Слушай, Фрэнк… Я тут поделился своими переживаниями с Ником Лаффером… Насчет тебя. Мне кажется, после этой неприятной истории с Бековичем ты стал сам не свой.

– Тебе кажется, – быстро произнес он, швыряя окурок в приоткрытое окно и прибавляя ход.

– Фрэнк…

– Рид, – он слегка повернул голову в мою сторону и уперся блестящими зрачками в мои глаза. – Вы с шерифом придаете слишком много значения вещам, которым придавать его не стоит. Я благодарен тебе за беспокойство, но я не нуждаюсь в нем.

– Уверен?

– Уверен.

Миллер свернул вправо, на плохо освещенную асфальтовую полосу, и авто скользнуло в хитросплетение незнакомых ветхих улочек.

Никогда прежде я не бывал в этом районе города, а поэтому с удивлением изучал неожиданно открывшийся моим глазам пейзаж, словно застывший на пыльных, старых открытках.

– Ну и дела, – я присвистнул себе под нос. – Здесь все вокруг выглядит так, словно мы внезапно вернулись лет на тридцать назад.

– Да, – Фрэнк кивнул. – Так и есть.

– Ты бывал здесь раньше?

Я с интересом поглядел в худое лицо напарника.

Местность вокруг казалась мне смутно знакомой, хотя я точно был уверен в том, что ни разу не пересекал эту унылую часть пригорода. Но все же не мог отделаться от ощущения, как будто перед моими зрачками скользили обветшалые дома из какого-то стертого, давнего и дурного сна.

– Жил, – сухо ответил он, после чего лениво оторвал правую руку от руля и махнул ей куда-то в сторону. – Прямо позади этого заброшенного паба на углу.

– Позади паба? – я устало наморщил лоб, чтобы лучше соображать и растащить в стороны склеенные алкоголем мысли. – Хочешь сказать, что ты был… беспризорным?

Миллер слегка повернул голову и окатил меня взглядом своих колких темно-серых глаз, в которых в это мгновение сквозил немой укор.

– Конечно, нет, – холодно произнес он. – Я имел ввиду, что мы с матерью жили в доме, стоящем за баром. Я не ел из помойки, Рид, и не клянчил милостыню, если ты об этом.

– Я не… – я вздохнул и неловко заерзал на сидении. – Просто ты так сказал, я подумал…

– Забудь.

Машина неспешно обогнула перекресток и повернула, давая возможность рассмотреть поближе не только полуразрушенное здание с вылинявшей вывеской на фасаде, но и небольшое одноэтажное строение из красного кирпича, будто стыдливо прячущееся позади.

– Это об этом самом доме ты говорил? – я недоверчиво нахмурил брови. – Но ведь он выглядит так, как будто его оставили очень давно. По меньшей мере, лет пятьдесят назад.

– Время имеет плохую привычку разрушать все, к чему прикасается, – загадочно проговорил Фрэнк.

Мы проехали вдоль узкой улочки и вновь повернули на развилке. Район, объятый бледными рассветными лучами, казался совершенно необитаемым. Не видно было даже бродяг, которые обыкновенно сновали по утрам в подворотнях между спящими домами в поисках недопитых бутылок. Местность выглядела удручающе пустынной и навевала какую-то пыльную тоску – такую же линяло-серую, как потрескавшиеся фасады одноэтажных строений вокруг.

Миллер сбавил газ, и теперь его новенькое авто с негромким фырканьем ползло в самую чащу оставленного квартала. Однако Фрэнку, похоже, здесь было уютно, и он не испытывал

того странного внутреннего трепета, что омрачал мое утреннее настроение. Напротив, он спокойно и даже словно с воодушевлением окидывал мрачные пейзажи за лобовым стеклом своими холодными серыми глазами.

– Да уж, – проворчал я, разглядывая один из пустых домов, стоящих на обочине. – Время явно постаралось на славу.

– Тебе здесь не нравится? – прогудел Миллер, странно блеснув зрачками.

– Этот квартал производит жутковатое впечатление, – честно ответил я. – Знаешь, в одном из этих домишек вполне могло бы обитать что-нибудь по нашей с тобой части.

– Это вряд ли, – молодой детектив потянулся к карману пальто, а затем громко щелкнул зажигалкой. – Монстры редко селятся вдали от людей, Рид. В этих заброшенных лачугах им попросту нечего было бы делать. Сказать откровенно, именно в таких местах шанс набрести на нечто противоестественное сводится к нулю.

Я задумчиво поскреб подбородок, успевший покрыться за бессонную ночь колючей щетиной:

– Да… Наверное, ты прав. Не припоминаю, чтобы мы хотя бы раз расследовали дело там, где совсем нет людей.

Пока мы разговаривали, над приземистыми хибарами из намокшего кирпича успело взойти солнце. Бледно-желтые искры, пробивающиеся сквозь тучи, бросились врассыпную, как испуганная стая птиц, а затем заскользили по мокрому асфальту, стремясь добраться до битых стекол и обветренных стен.

Я молча наблюдал за тем, как дневной свет преображает это странное, пустое и грустное место, наполняя его живым, но безмолвным сиянием, пока Фрэнк, заглушив мотор, докуривал очередную сигарету.

Машина покорно умолкла и встала у фасада вытянутого здания, некогда бывшего кинотеатром. Об этом свидетельствовали обрывки латексных афиш, полоскаемые промозглым ветром, и покрытые плотным слоем грязи окна билетной кассы у входа.

– Знаешь, – протянул я, не глядя на напарника. – Лаффер уже вроде как оправился от произошедшего в Блэк Вудс. Кажется, у них с Кристин Блэк намечается что-то серьезное. По крайней мере, мне так показалось. Он все чаще упоминает ее имя в телефонных разговорах…

– Что? – Миллер едва не поперхнулся едким дымом, коротко закашлявшись. – Шериф и немая одержимая?.. Ты серьезно?

– Она ведь давным-давно пришла в норму, Миллер, – возразил я. – И снова стала самой собой, ты не забыл об этом?

– Внутри нее сидит чудовище, Рид, вот о чем я точно не забыл. Должно быть, шериф окончательно спятил, если решил связать свою жизнь с Кристин Блэк.

Он раздраженно швырнул окурок в приоткрытое окно авто и поморщился будто от зубной боли.

– Ты как-то уж слишком… чувствительно воспринял эту новость, Фрэнк.

Я поглядел в его напряженное лицо. После ночи без сна его аккуратные, но холодные черты заметно заострились. Четко очерченные бледные губы сейчас казались темными, почти пурпурными, а на впалых щеках играл едва уловимый румянец, словно у Фрэнка начался жар.

– Черт, – он громко выругался и хлестнул длинными пальцами по обивке руля, как будто машина была виновата в охватившем его приступе злости. – Мы ведь вместе старались вытащить шерифа и жителей этого дерьмового городка из капкана, Рид. Но прошло немного времени, и теперь он вновь с радостью готов угодить в его острые жвала.

– У тебя крайне пессимистичный настрой, Фрэнк, – я похлопал его по плечу и улыбнулся. – Вряд ли мисс Блэк может быть по-настоящему опасна. Ты же помнишь, что говорил тот безымянный тип, засевший у нее внутри? Он просто наблюдает и предпочитает не высовы-

ваться. Я очень сомневаюсь, что Кристин способна совершить что-то действительно ужасное, как те твари, на которых мы обыкновенно с тобой охотимся.

– Ты правда веришь в то, что существует некая градация зла? – Фрэнк внезапно повернул голову и посмотрел на меня как на безумного. – И не осознаешь, что все это дерьмо лезет в наш мир из одного и того же котла?

Я заставил себя не отводить взгляда от его колких зрачков. Затем сделал размеренный вдох и спокойно произнес:

– Да, я на самом деле хочу в это верить, Фрэнк. Как хочет верить шериф и все остальные люди на нашей планете. Такова природа человека – всегда надеяться на лучшее, даже если места для надежды уже не остается.

Миллер молча закатил глаза, безвольно откинулся на спинку кресла, как если бы этот короткий спор отнял его последние силы, после чего ткнул пальцем куда-то в сторону и проговорил:

– Хочешь порцию утреннего эспрессо?

Я повернул голову туда, куда он указывал, и мои зрачки тут же уперлись в линялый фасад заброшенного кинотеатра.

– Не отказался бы. Но что-то подсказывает мне, что в этом месте искать бодрящий кофе не стоит.

– Ошибаешься, – лицо Фрэнка озарила победоносная улыбка. – Внутри есть кофейный автомат.

– Миллер, – я вздохнул и скосил глаза, наблюдая за его странной самодовольной ухмылкой. – Если мы выпьем что-нибудь из этого кофейного автомата, то почти наверняка погибнем мучительной и не самой приятной смертью.

– Не погибнем, – легкомысленно отмахнулся он, толкая плечом дверцу авто и вываливаясь наружу. – Аппарат исправно чистят каждую неделю.

Я не без труда выбрался из душного прокуренного салона, вдохнул порцию сырого ветра, пахнущего чем-то совершенно незнакомым, и повернулся к напарнику, торопящемуся к облезлым дверям кинотеатра.

– С чего ты это взял, Фрэнк? Посмотри вокруг – здесь многие десятилетия никто не живет.

– Э-э-энг, – Миллер правдоподобно изобразил звук клаксона. – И ты снова ошибся, Рид.

– Фрэнк, ну что за ребячество…

Я зашагал вслед за ним, нырнул в створку между двух изрядно скрипящих дверей, покрытых ошметками краски, и остановился посреди темного холла как вкопанный, изумленно разинув рот.

Помещение внутри сияло чистотой и идеальным порядком. Стоящие вдоль стен лавки для ожидания влекли красными бархатными чехлами, на которых не было заметно ни пятнышка. В машине для попкорна, блестящей в конце квадратного фойе, лежали явно свежие, нежно-золотистые зерна. Мраморный пол под моими ногами блестел глянцем, а стены пахли свежей белой краской.

Немного поодаль, в боковом коридорчике, ведущем, очевидно, в зал кинотеатра, стоял новый кофейный автомат. Именно возле него топтался Фрэнк, уже сжимавший своими длинными пальцами один дымящийся бумажный стаканчик. Другой ладонью он одновременно нажимал на сияющие зелеными огоньками кнопки, бормоча себе под нос:

– Двойной эспрессо… половина порции сахара, без сливок и молока… Ты ведь именно такой кофе предпочитаешь, Рид?

Я молча кивнул, не в силах произнести ни слова.

Миллер, бодро вышагивая по блестящему полу, подошел ко мне, на ходу протягивая один из кофейных стаканчиков. Каждый его шаг гулко отдавался эхом под сводами темного

холла, отчего казалось, будто звук обступает со всех сторон, сдавливает плотным кольцом и существует сразу нигде и повсюду.

– Как это возможно? – я сделал короткий глоток и едва не обжег язык о раскаленный напиток. – Это место ведь давно заброшено!

– Я купил этот кинотеатр, – Миллер равнодушно пожал плечами. – С детства любил сюда ходить, вот и решил осуществить давнюю мечту, когда вырос. Владелец охотно продал мне здание. Кажется, он был несказанно рад тому, что кто-то выкупил эту рухлядь.

– Ты купил кинотеатр?

Я уставился в его безмятежное лицо, не веря собственным ушам.

– Да, – он кивнул и взмахнул указательным пальцем в сторону новеньких настенных афиш. – Хочешь посмотреть фильм?

– А зал работает?

– Рид, – детектив укоризненно блеснул глазами. – Зачем, по-твоему, мне нужен кинотеатр, в котором нельзя смотреть кино?

Залпом допив свой кофе, я отдал напарнику пустой стаканчик, набрал полные легкие воздуха и ответил:

– А какие фильмы у тебя здесь крутят?

– Какие хочешь.

– И новые есть?

– Конечно.

Он приподнял брови и кивнул на пару бумажных афиш, пестреющих за моей спиной. Яркие и жизнерадостные, они приковывали к себе внимание и заставляли в самом деле поверить в то, что ты находишься в действующем, обыкновенном городском кинотеатре. На какие-то доли мгновения я даже позабыл о том, что сейчас мы топтались в холле заброшенного здания, а на аллеях снаружи гулял лишь одинокий апрельский ветер.

– Черт, Миллер, я не был в кино уже целую вечность… У тебя действительно есть «Индиана Джонс: В поисках утраченного ковчега»? И можно прямо сейчас посмотреть «Побег из Нью-Йорка»?

– Да, – он сложил руки на груди и выжидательно уставился в мое лицо. – Могу устроить для тебя настоящую кинопремьеру. В моем зале можно класть ноги на нижний ряд кресел, громко разговаривать, распивать спиртные напитки и даже бесплатно есть попкорн.

– Я что, умер и попал в рай? – даже не видя себя со стороны, я прекрасно понимал, что в этот момент на моем лице играет идиотская счастливая улыбка. – В чем подвох, Фрэнк?

Детектив развел руками в стороны, склонил голову набок и серьезно пробасил:

– Подвох в том, что смотреть кино тебе придется вместе со мной.

– Ну, я даже не знаю… – я сделал вид, что сдвигаю брови к переносице, пытаясь принять важное решение.

Миллер тут же с коротким смешком толкнул меня плечом, после чего прикурил и, зажав сигарету зубами, отвесил театральный поклон, изящно указывая распрямленной ладонью на боковой коридорчик:

– Прошу на сеанс, мистер Рид. Не забудьте прихватить по пути пару банок пива из бара, – он выровнялся и выдохнул густой дым, стряхнув пепел прямо на глянцевый пол. – А я пока сбегаю в каморку наверху и включу проектор.

Он унесся, скрывшись из глаз спустя пару секунд, а я нерешительно двинул вперед, утопая в сумраке пустого и тесного перешейка, ведущего в зал.

Но стоило мне толкнуть высокие деревянные створки дверей, отделяющие фойе от стройных рядов бархатных темно-красных кресел, и все мое смущение тут же растворилось в воздухе, пропахшем жареной кукурузой и свежими печатными листовками.

Проектор внутри уже был включен, и по огромному белому экрану гуляли мелкие черные помехи. Сцена освещалась ярко-оранжевым каскадом софитов, и благодаря этому я мог в деталях рассмотреть роскошное убранство кинозала.

Тяжелые, массивные кресла, явно оставшиеся здесь еще с прошлых десятилетий, были искусно вырезаны из цельного дерева, но вместо линялых тонких чехлов на них красовалась новая мягкая обивка в тон узких ковровых дорожек, убегающих по ступеням куда-то вниз. Я стоял на самом верху, у первого полукруга кресел, изучая глазами огромное помещение. И лишь спустя несколько минут я наконец решился ступить подошвами на широкий лестничный помост.

Страшно было представить, сколько денег пришлось потратить Миллеру, чтобы вернуть этому месту былой вид и презентабельность. Вряд ли подобное хобби могло быть по карману рядовому офицеру полиции, и я снова невольно задался давно тревожащим мой ум вопросом, пока неспешно двигал вниз, – по какой неясной причине центральный полицейский участок Вашингтона выплачивал Фрэнку такое огромное жалование?

– Нашел подходящие места? – внезапно раздавшийся из-за спины хрипловатый голос заставил меня вздрогнуть. – Фильм уже начинается.

– Фрэнк… – я обернулся и неловко почесал переносицу. – Можно спросить тебя… О чем-то личном?

Я не мог не заметить, как легкая улыбка тут же сползла с худого лица Миллера. Он хмуро посмотрел на меня, затем будто немного нерешительно кивнул и напрягся, как если бы ждал самого неприятного разговора. Это показалось мне несколько странным.

– Слушай, это не мое дело, я прекрасно понимаю это… Мне просто любопытно, мы ведь уже достаточно давно работаем вместе…

– Ну?

Детектив нетерпеливо буравил меня колючими серыми глазами. Я уже всерьез успел пожалеть о том, что решился набраться наглости и совать нос не в свое дело, но отступать было поздно.

Поэтому я шумно вздохнул и быстро произнес:

– Сколько тебе платят?

На лице Фрэнка сперва скользнуло недоумение, тут же сменившееся явным облегчением. А в следующее мгновение его губы растянулись в привычной усмешке.

– Черт, – выдохнул он, нервно взъерошив свои темные прямые волосы. – Я уж было решил, что ты собрался испоганить нам обоим это прекрасное утро, вытащив на свет какую-нибудь дрянь, о которой мне совсем не хотелось бы вспоминать.

– Ну, – я чувствовал себя сконфуженным. – Ты никогда не говорил о деньгах, вот я и решил…

– Ты никогда и не спрашивал, – перебил Миллер, растаптывая носком ботинка потухшую сигарету и тут же закуривая новую. – Я получаю пятьдесят тысяч долларов ежемесячно.

– Пят… пятьдесят? – выдохнул я, пытаясь сообразить, как вообще можно зарабатывать подобные суммы в полицейском участке. – Пятьдесят тысяч… Фрэнк, это же огромные деньги!

– Наверное, – он несколько растерянно посмотрел на меня. – А сколько платят тебе?

– Уж точно не столько, – смущенно хмыкнул я. – Я получаю жалование рядового вашингтонского детектива. Это семьсот баксов плюс премиальные в конце года.

– Негусто, – пробасил он, и вдруг нахмурился. – Можешь забрать мои деньги, если хочешь. Мне все равно не на что их тратить. Все, что мне нужно для счастливой жизни – это сигареты и чистые рубашки.

Я не смог сдержать улыбки, глядя в серьезное лицо напарника:

– Фрэнк, мне для счастья нужно еще меньше, чем тебе.

– Дай угадаю, – ухмыльнулся он. – Бесплатный стаканчик кофе?

– Точно.

За спиной Миллера уже бежали полосы титров, и фильм грозился начаться с минуты на минуту. Не сговариваясь, мы одновременно шагнули к ближайшему ряду кресел, ловко скользнули к центральным сидениям, темнеющим в основании полукруга, рухнули в их мягкую обивку и уставились в огромный экран.

Фрэнк тут же уложил ноги на спинку нижнего кресла, закинул руки за голову и откинулся назад, внимательно наблюдая за происходящим на тканевом полотне своими темно-свинцовыми радужками.

– С днем рождения, Миллер, – тихо произнес я, поворачивая голову обратно к экрану.

– Спасибо, Рид, – низко прозвучало сбоку, а через долю мгновения зал наполнился звуками начавшегося фильма.

Глава 2. Фрэнк Миллер

Я сидел в полутемном пустом коридоре, обхватив трясущиеся колени холодными пальцами. Забившись как можно глубже в неуютное и жесткое кресло, я настороженно прислушивался одновременно и к собственному сердцебиению, и к тому, что происходило за наглухо закрытой дверью, белеющей впереди.

На моей аккуратно выглаженной рубашке все еще темнели пятна крови, но теперь они казались совсем не такими ярко-алыми, как прежде. Судорожно вдохнув спертый воздух, медленно плавающий по длинному холлу, я ощутил, как горло туго сдавливает ледяная клешня отчаяния.

– Все это выглядит крайне странно, – из узкой щели под дверью вырвался приглушенный мужской голос. – Просто чертовщина какая-то…

– Что ты хочешь этим сказать, офицер? – второй голос звучал более жестко, но в то же время спокойно и уверенно. – Не ходи вокруг да около, у меня сейчас каждая минута на счету.

Я сглотнул вязкий комок, настойчиво пульсирующий в горле, а затем постарался унять громкий стук сердца, мешающий отчетливо расслышать беседу полицейских, прячущихся в большом светлом кабинете за соседними стенами. Еще несколько минут назад я был вместе с ними внутри, затравленно оглядываясь по сторонам и изучая зрачками незнакомую обстановку. Но затем толстый офицер с длинными черными усами попросил ненадолго выйти в коридор и подождать, пока меня позовут обратно.

– Я и сам не знаю, что я хочу этим сказать… Черт побери, – нервно добавил первый голос. – Я несколько раз опросил свидетельницу – старушку, что держит цветочную лавку на углу. Так вот, она твердо уверена в том, что в переулке не было никого, кроме мисс Миллер и ее сына. Цветочница утверждает, что взглянула сквозь витрину, заметив их силуэты через только что протертые стекла, но больше никого она не увидела. Никого, понимаете?

– Нет, Бэлл, не понимаю, – прогудел второй голос, в котором сквозило нетерпение.

– Я просто… Черт… – первый голос неожиданно оборвался, пробормотав нечто невнятное. – Я хочу сказать, сэр, что никто не мог проскользнуть незамеченным мимо окон цветочной лавки, если бы следовал по пятам за покойной мисс Миллер и ее сыном. Я лично проверил, заглянув в магазин старушки – оттуда открывается прекрасная панорама переулка. Невозможно проникнуть на улочку, не прошмыгнув мимо старой цветочницы.

– То есть, – во втором голосе появились холодные металлические нотки. – Ты утверждаешь, что мальчишка лжет нам? Что не было никакого высокого мужчины в длинном плаще, о котором он говорил?

– Я не…

– Бэлл, – за дверью что-то громко шлепнулось о гладкую поверхность, отчего я невольно вздрогнул, еще туже обхватив трясущимися руками колени. – Перед твоими глазами лежит свидетельствование коронера, которое ты уже успел просмотреть. Женщине нанесли несколько смертельных порезов острым предметом, полоснув наотмашь по горлу. Мальчик, сидящий в коридоре, едва ли дотягивает до четырех с половиной футов, в то время как коронер ясно заявил о том, что подозреваемый с ножом должен был иметь рост, по меньшей мере, в шесть футов, что полностью совпадает с тем, что говорил нам мальчик.

– Сэр, я знаю…

– Тогда зачем ты тратишь впустую мое время?

– Простите, сэр, – сдавленно выдохнул первый голос. – Я… Просто вся эта ситуация кажется такой… нетипичной, сэр. Признаться, от этого мальчика у меня бегут мурашки по спине, и не только я…

– Довольно, Бэлл, – резко оборвал второй голос. – Я выслушал достаточно беспочвенного бреда из твоих уст за это утро. Будь добр, позови Фрэнка Миллера в мой кабинет. И, мать твою, займись наконец делом!

Высокая белая дверь с блестящей табличкой жалобно скрипнула, и через мгновение из-за ее полотна появилась знакомая толстая фигура. Кончики черных усов офицера печально поникли, массивная шея раскраснелась то ли от смущения, то ли от гнева.

Бросив в мою сторону странный, пронизывающий взгляд, он ненадолго застыл на месте, словно не решаясь задать мне какой-то неудобный вопрос. Но затем быстро отвел глаза в сторону, громко кашлянул и зашагал прочь по коридору, ссутулив круглые плечи.

Я распахнул глаза и тут же уперся зрачками в знакомый светло-серый потолок. Рывком сбросил с себя скомканное одеяло, свесил ноги с кровати и потянулся за пачкой сигарет, лежащей рядом на тумбе. Щелчок зажигалки, несколько глубоких затяжек, и вот уже нервная дрожь ослабевает, оставляя в покое мои посиневшие от напряжения пальцы.

Я уже было собирался швырнуть окурок в приоткрытое окно, когда телефонный аппарат, стоящий на кофейном столике в прихожей, истошно затрещал.

– Слушаю, – просипел я в трубку, сухо закашлявшись.

– Бросил бы ты наконец дымить как паровоз, Фрэнк, – вместо приветствия произнес Рид. – Хрипишь по утрам, как старик.

– Не припомню, чтобы тебя это прежде раздражало, – хмыкнул я.

– Очень смешно, Миллер, – проворчал он. – Слушай, я звоню по делу. Полчаса назад со мной связывался Майерс, у него есть новая работа для нас.

– Улавливаю неприкрытый восторг, – заметил я, аккуратно сжимая все еще дымящийся окурок двумя пальцами. – Дай угадаю: я должен привести себя в порядок за следующие пятнадцать минут, после чего ты заедешь за мной на своей полицейской развалюхе, и мы двинем в участок?

– Вроде того, – он коротко вздохнул. – Знаешь, Фрэнк, я изрядно засиделся на месте. Мы всю весну промаялись без дела, у меня уже даже начала проклевываться чертова депрессия.

– Ну да, – я задумчиво покрутил в ладони обугленный сигаретный фильтр. – Ты же законченный трудоголик.

– Из твоих уст это звучит как упрек.

– Отнюдь.

– Ладно, – он громко зевнул. – Собирайся поскорее, я буду через пятнадцать минут.

Я ухмыльнулся, вернул телефонную трубку на рычаг и отшвырнул окурок прочь. Наскоро обмылся под холодным душем, надел чистую рубашку, обтянул ее сверху легким твидовым жилетом и выглянул в окно, за которым уже нетерпеливо урчала потрепанная патрульная машина.

Ботинки я обувал уже на ходу – предвкушая возобновление рабочих будней, Рид не смог удержаться, и принялся что есть одури сигналить, раз за разом надавливая на автомобильный клаксон.

– На часах шесть утра, – укоризненно произнес я, ловко запрыгивая на пустующее соседнее сидение. – Какого черта ты голосишь на весь квартал?

– Здесь все равно никто не живет, – небрежно отмахнулся детектив. – Разве что усопшие в гробницах, но им, я думаю, наплевать.

Рид резво тронулся с места, развернулся и прибавил ход, чтобы как можно скорее добраться до центрального полицейского управления. Настроение у него было явно приподнятым – он то и дело напевал себе под нос, вторя тихому голосу автомобильного радио, и даже несколько раз порывался пуститься сидя в пляс, однако натыкался на мой ледяной взгляд.

– Во что это ты вырядился, Миллер, – он кивнул на мой тонкий летний жилет. – Собрался охмурить кого-нибудь в доме престарелых?

– А что не так?

Я вытащил из кармана брюк сигареты, закурил и непонимающе уставился на напарника.

– Так давно никто уже не одевается, – пояснил он, приглушая громкость радио. – Ты будто застрял в прошлом столетии.

– Ах да, – равнодушно ответил я, брезгливо разглядывая его полупрозрачную белую рубашку с короткими рукавами, грозящую в любой момент лопнуть в области талии. – Теперь модно выставлять свои соски напоказ, чтобы они проглядывали через ткань и вызывали рвотные позывы у несчастных окружающих.

– На что это ты намекаешь?

– Я могу разглядеть волосы, растущие на твоей груди, даже отсюда. Как и складки на животе. Это отвратительно, Рид. Вот почему мужчина должен надевать жилет поверх рубашки.

– Да катись ты к чертям, Фрэнк, – он обиженно надул губы и мельком опустил глаза вниз. – Нет у меня никаких складок на животе, понятно?

– Как скажешь.

– Не всем же ходить и греметь скелетом, как тебе, – проворчал он.

– Безусловно.

Остаток пути мы проделали в гробовой тишине. Рид выключил радио и насуплено следил за дорогой, делая вид, будто не замечает ничего вокруг, кроме полупустых вашингтонских улиц.

Когда его старое авто заглохло у решетчатых металлических ворот, ведущих в участок, он первым выскользнул из салона, захлопнул дверцу и на мгновение замер у нее, рассматривая свое отражение в пыльных стеклах.

– Вот ведь дерьмо… – растерянно протянул он. – И правда, все просвечивает.

– Я же тебе говорил, – обронил я, первым протискиваясь в створки и взбираясь по ступеням, ведущим к безликому зданию, распластавшемуся наверху.

Несмотря на ленивое летнее утро, захватившее столицу и сдавившую ее в своих безмятежных объятиях, внутри центрального офицерского управления уже вовсю кипела жизнь. Повсюду шуршали стопки бумаг, из каждого укромного угла офисов надрывно дребезжали телефоны, а у стола для оформления вызовов топталась троица густо размалеванных дешевых шлюх, томно вздыхая.

Одна из них – та, что выглядела моложе остальных, заметив мое приближение, вызывающе выпятила грудь из короткой красной блузы, широко улыбнулась и промурлыкала тонким писклявым голосом:

– Эй, красавчик! Куда спешишь?

Я молча отшатнулся, ускорив шаг, быстро добрался до двери, ведущей в офис начальника полицейского участка, толкнул ее ногой и ввалился внутрь. Слегка запыхавшийся детектив зашел спустя пару секунд следом, на ходу допивая неизвестно откуда взявшийся в его руках стаканчик с кофе.

– Доброе утро, Миллер, – Майерс кивнул в знак приветствия и указал на пустующие у его стола кресла. – Рид.

Я тут же опустился на предложенное место, расслабленно развалившись в нем и откинувшись на спинку. Рид присел в соседнее кресло, все еще сохраняя крайне недовольное выражение лица и зачем-то пытаясь держать спину неестественно прямо.

– Парни, у меня будет для вас очень личное задание, – со вздохом произнес Эрл Майерс, задумчиво потерев виски. – И я надеюсь, что вы не ударите в грязь лицом.

– Что случилось? – я пристально посмотрел в его уставшее лицо.

Рид, маячащий рядом, напрягся, навострив уши, словно ищейка, почуявшая команду. Я с трудом сумел сдержать улыбку, заметив его сосредоточенное лицо.

– У одного весьма уважаемого в нашем городе человека случилась беда, – начал Эрл. – Джонатан Вайд, слыхали о таком?

– Джонатан Вайд? – повторил детектив. – Помощник мэра?

Майерс молча кивнул.

Это имя мне совершенно ни о чем не говорило, поэтому я предпочел не встревать в разговор, и привычно дымил немного поодаль, стараясь вникнуть в детали беседы.

– Джонатан – мой давний приятель, – добавил Эрл после короткой паузы. – Мы выросли с ним на одной улице, учились в одной школе… Вот почему он попросил меня о помощи, когда в его семье приключилось нежданное горе.

– Какое горе?

Рид с нетерпением буравил Майерса зрачками, я же никакого особого восторга не испытывал. Больше всего мне хотелось бы провести остаток лета в своей квартире, вдали от людей, полицейских расследований и даже настырного напарника.

Новое задание, нежданно свалившееся нам обоим на голову, могло означать лишь одно – следующие несколько месяцев мы проведем в какой-нибудь дыре, гоняясь за очередным чудовищем и параллельно с этим стараясь не умереть от дерьмовых ланчей, которые подают в местной забегаловке.

– Стэнли Вайд – сын Джонатана, покончил с собой несколько недель назад, – Майерс тяжело вздохнул. – Сбежал в захолустный городок под названием Дарк Маунт, где спустя время его и нашли болтающимся в петле.

– Какое отношение это имеет к нашему отделу? – я непонимающе вытаращился в помрачневшее лицо начальника. – С каких пор следовательское бюро интересуют самоубийства?

– В этом деле что-то нечисто, – Майерс поднялся из-за стола и протянул подшивку отсканированных листов, все еще теплых наощупь и пахнущих чернилами. – Так считает Джонатан Вайд, и к такому же мнению пришел я, изучив некоторые детали.

– Хотите сказать, – Рид смущенно почесал переносицу. – Кто-то имитировал самоубийство, чтобы не поднимать лишней пыли?

– Я хочу сказать, – прогудел Эрл. – Что вам стоит выяснить, почему внезапно один из самых успешных учеников вашингтонского колледжа и прилежный сын богатого отца принялся вести себя неадекватно, а затем сбежал из штата и повесился в какой-то дыре, даже не оставив прощальной записки.

– Экспертизу уже проводили? – я потушил окурок в тяжелой стеклянной пепельнице, стоящей на краю стола. – Возможно, парень просто подсел на запрещенные вещества…

– Нет, – Майерс категорично покачал головой. – Парень был чист, как младенец. В анализах крови не обнаружили ровным счетом ничего. Его друзья по колледжу в один голос уверяют, что Стэнли был ярым фанатом здорового образа жизни и не употреблял алкоголь даже по праздникам и на студенческих вечеринках.

Рид подался вперед, отобрал из моих рук подшивку, с интересом пролистал ее, затем поднял глаза и посмотрел на Эрла:

– Психические отклонения? Он проходил медицинское обследование перед поступлением в колледж?

– Проходил, причем не раз, – Майерс развел руками в стороны. – Стэнли Вайд был совершенно здоров. Это подтвердил и психиатр, которого Вайд посещал перед получением автомобильных прав.

Я задумчиво почесал спрятанный под прядями волос шрам. Все это действительно выглядело слишком необычно, и если еще пару минут назад я с изрядной долей скептицизма относился к новому делу, что настойчиво стремился нам подсунуть Майерс, то теперь во мне начало просыпаться неподдельное любопытство.

– Что насчет девушек? – произнес я. – Ему было всего двадцать, в этом возрасте люди еще способны совершать глупости во имя любви.

– Вайд действительно расстался с девушкой незадолго до смерти, – Эрл вновь вздохнул и снова сжал виски, словно у него внезапно разболелась голова. – Но он сам выступил инициатором разрыва. Его близкий приятель утверждает, что Стэнли нисколько не переживал на этот счет, да и вообще не слишком серьезно относился к противоположному полу, меняя девушек как перчатки.

– Другими словами, – протянул Рид, не отрывая глаз от сваленных в кучу бумаг на своих коленях. – У этого парня не было ни одной весомой причины, чтобы расставаться с жизнью.

Майерс молча кивнул, после чего рухнул на спинку своего большого кресла, потянулся за чашкой с давно остывшим кофе, отпил глоток и поморщился.

Обыкновенно аккуратно завязанный галстук под его подбородком сейчас выглядел смятым и торчал в один бок небрежно сооруженным узлом. Очевидно, вся эта мутная ситуация с погибшим сыном давнего друга изрядно подпортила начальнику настроение, и он мечтал как можно скорее получить ответы на свои вопросы.

– Самое странное во всем этом деле – это место, где нашли труп, – он вновь подал голос, оставив попытки допить невкусный напиток. – Парень не просто повесился в одном из заброшенных домов, он буквально забаррикадировался в нем изнутри перед смертью, причем сделал это самым нелогичным способом.

– Это каким же? – глаза Рида блеснули живым интересом.

– Он подпер входную дверь зеркалом. То же самое попытался сделать и с оконными проемами, – Майерс внезапно нахмурился и покосился в мою сторону. – Ты прежде никогда такого не видел, Фрэнк?

– Нет, – я покачал головой. – Никогда.

Рид свернул подшивку с бумагами в тугой рулон, после чего поднялся на ноги и сунул его в карман потрепанных брюк.

– Что ж, – расправив плечи, произнес он. – Судя по всему, это и в самом деле что-то по нашей с Миллером части.

⁂

Этой ночью я спал просто отвратительно.

Мне то и дело снился старый кирпичный дом из заброшенного квартала и мать, которая наотрез отказывалась внимать моим горячим уговорам. За черными стеклами бушевала непогода, и казалось, что неистово воющий снаружи ветер грозится ударить всей своей мощью в ветхие перегородки, уничтожив здание и сравняв его с поверхностью земли.

Чем сильнее нервничал и злился я, тем громче свирепствовала буря на ночных аллеях, будто непогода вторила моей ярости или даже таинственным образом черпала из нее силы.

– Фрэнсис Джонас Миллер, – раздраженно вскрикнула мать, хлестнув по кухонной столешнице зажатым в кулаке полотенцем. – Я еще раз прошу тебя вернуться в свою комнату и лечь в постель. Этот разговор окончен!

– Мама, ты не понимаешь…

– Фрэнк, – она угрожающе зависла над моей головой. – Мы пойдем утром к доктору, хочешь ты этого или нет. И если ты немедленно не прекратишь вести себя подобным образом, я сию минуту накажу тебя!

– Нам нельзя идти, пойми же, – я ощутил, как из глаз брызнули слезы бессилия и обиды. – Я чувствую, что произойдет что-то плохое, ну почему ты не веришь мне?

Она сверкнула холодными серыми глазами, молча наблюдая за выражением моего лица. На долю мгновения мне почудилось, будто в ее зрачках плеснулось сомнение, но в тот же миг она еще сильнее сжала кулаки и процедила сквозь зубы:

– Именно поэтому мы и должны сходить к доктору, Фрэнсис.

– Но…

– Тебе нечего бояться, он не будет делать больно и не причинит тебе вреда. Доктор просто хочет побеседовать.

Я отшатнулся назад, в исступлении опрокинув по пути кухонный стол со всем, что на нем стояло. Звук бьющейся посуды на время перекрыл все прочие шумы, но затем во входную дверь и в мутные стекла дома внезапно ударил такой оглушительный порыв ветра, что все вокруг меня зазвенело, грозясь рассыпаться в щепки.

– Глупая шлюха, – выкрикнул я, отступая в коридор и со всех ног бросаясь к своей комнате. – Я ненавижу тебя! Ненавижу!

Влетев в темную детскую, я рывком захлопнул скрипучую дверь и задвинул щеколду, после чего без сил упал лицом в подушку и разрыдался.

– Фрэнк, – из-за двери донесся сдавленный женский голос. – Тебе придется объясниться за свои грубые слова утром…

Я слышал, как она громко всхлипнула, после чего попыталась открыть дверь, потянув на себя круглую металлическую ручку, но засов надежно охранял детскую комнату от любых нежданных посетителей.

– Фрэнк…

Она что-то бормотала, все топчась у двери, но я давно ничего не слышал. Приподняв голову над смятой подушкой, влажной от слез, я как завороженный таращился в чернеющее у изголовья кровати окно.

Я мог поклясться, что за стеклами дома что-то происходит. Я почти чувствовал, как из самой гущи ненастья вырвалось что-то страшное. Как оно, скрываясь в потоке ветра, молча облетает крошечный кирпичный дом раз за разом, будто выискивая в нем уязвимое место или брешь, чтобы просочиться внутрь.

Оцепенев от сковавшего меня животного ужаса, я уже не в силах был понять – в самом ли деле за окном своей спальни я успел выхватить из тьмы силуэт высокого человека в шляпе, или же воспаленное воображение сыграло со мной злую шутку, стараясь выдать это мимолетное видение за жуткую реальность.

Глава 3. Дэйв Альварес

– Говорю тебе, Бенджамин, что-то неладное творится в этом городишке!

Я остановился, прищурился и окинул пустую подворотню подозрительным взглядом. Убедившись, что там никого нет, я юркнул между двух пустых мусорных баков. Старый уродливый пес послушно потащился следом, заметно прихрамывая одной из длинных задних лап.

Несмотря на позднее июльское утро, на улице стояла сырая ветреная погода, и бороздить тихие улочки в одной дырявой рубахе и протертых штанах было холодно. Вот почему я решил сперва отогреться, разбив костер прямо за старым зданием городской аптеки, а уже затем двигаться дальше.

К тому же, в этих мусорных баках нередко можно было поживиться чем-нибудь ценным. Например, всего пару дней назад я выудил из помойки целый пузырек спирта, что оказалось весьма кстати.

Пока я ходил по округе, сгребая всякий хлам в кучу, уставшая псина увалилась в укромном уголке, широко зевнув, и теперь терпеливо наблюдала за мной оттуда парой блестящих черных глаз.

С воплем ликования выудив из бака отсыревший старый журнал, я швырнул его поверх горки для розжига, тут же чиркнул зажигалкой, и спустя пару мгновений вспыхнувшее пламя неохотно принялось лизать влажные пожелтевшие страницы.

– Определенно, здесь что-то происходит, – задумчиво протянул я, подсаживаясь ближе к хилому кострищу и с удовольствием грея свои продрогшие босые ступни. – Вот попомни мои слова, Бенджамин!

Услыхав свое имя, задремавший было пес открыл сонные глаза, неохотно поднялся на все четыре лапы, а затем заковылял ко мне. Улегшись рядом, он устало опустил огромную рыжую голову на мои колени и сразу же снова уснул.

– Все-то ты мне не веришь, – укоризненно проворчал я себе нос, стараясь не обжечь пальцы ног о неожиданно разбушевавшееся пламя. – Думаешь, старик Дэйв окончательно спятил… Но я-то знаю!

Я поселился на Кахлуа-роуд с лет десять назад, перебравшись поближе к центральному проспекту Дарк Маунт. Здесь всегда было теплее, чем в прочих районах городка, а потому в ненастье мы с Бенджамином могли с легкостью отыскать уютное укрытие и переждать там даже самую суровую зиму.

К тому же, местные нередко подбрасывали нам пригоршню монет, проходя мимо центральной аптеки, и даже несносный старик-аптекарь, в конечном итоге, сжалился надо мной, позволив разводить костер в подворотне за его зданием.

В прежние же, не самые лучшие времена, я нередко спасался бегством, едва завидев его сухую, скрюченную фигуру, воинственно размахивающую огромной лопатой для уборки снега. А несчастный калека Бенджамин, поскуливая на ходу, трусил позади меня, едва успевая увернуться от хлестких ударов стариковской лопаты.

Однако тяжелые времена давно были позади. И ныне все закоулки Кахлуа-роуд всецело принадлежали Дэйву Альваресу и его верному псу.

Признаться честно, когда я впервые оказался в Дарк Маунт, этот унылый городок показался мне настолько же мрачным, насколько и ветренным. Холодный и неприветливый даже в разгар лета, он наводил на меня какую-то глубокую тоску, и я еще больше принимался тосковать по своей жаркой, иссушенной знойным солнцем родине.

Но затем прошло немного времени, я обжился здесь, и даже наловчился находить общий язык с местными угрюмыми жителями. А спустя год или около того, я набрел на Бенджамина, рыжего неуклюжего щенка со сломанной задней лапой, прячущегося в какой-то конуре

от пронизывающих февральских ветров, и тогда, обретя верного друга, решил скоротать остаток жизни здесь.

Единственное, к чему я так и не смог привыкнуть за столько лет – это к самой скале, темнеющей прямо у подножия городка. Нет, и в моем родном краю я нередко видывал горы – чаще цвета охры, резкие, с неровными острыми краями, высеченными суховеями. Но эта скала, темно-серая и безжизненная, как гранитное изваяние над могилой усопшего, наводила на меня смутный внутренний трепет. К счастью, с Кахлуа-роуд ее обзор был ограничен местными трехэтажными постройками, а потому я редко ощущал ее давящее присутствие.

– Вот и лето-то совсем не лето, – со вздохом заметил я, когда очередной порыв ветра с воем разбился о фасад старой аптеки. – Разве на твоей памяти когда-то бывал здесь такой собачий холод в июле, а, Бенджамин?

Пока я с грустью вспоминал залитые солнцем родные прерии, огонь погас, и теперь больше ничто не мешало холодному ветру остужать пустой переулок.

– А что, Бенджамин? – я тряхнул пса за ухо и поднялся на ноги. – В такую погоду не зазорно и к аптекарю заглянуть, что думаешь?

Два собачьих глаза с интересом уставились в мое лицо. Безвольно лежавший на земле рыжий хвост чуть дрогнул, а затем замел туда-сюда как бешеный, поднимая клубы пыли. Расценив это как знак согласия, я с кряхтением отряхнул перепачканные грязью штаны, пригладил пальцами всклокоченные на затылке волосы, и направился к выходу из подворотни.

У старика-аптекаря не было наплыва клиентов, если не считать полноватую леди с ребенком, то и дело утиравшим раскрасневшийся нос о белоснежный платок. Поэтому я решительно толкнул стеклянную дверь, знаком приказав псу оставаться снаружи и дожидаться моего возвращения.

Старый аптекарь с легкой улыбкой поднял глаза, но, завидев меня, тут же помрачнел. Должно быть, если бы не леди с сыном, он бы сразу вышвырнул меня прочь. Но при покупателях вести себя так грубо означало бы проявить крайнюю невоспитанность.

– Добрый день, хороший человек, – проговорил я, кивнув в знак приветствия. – Хотя разве может считаться он добрым, когда снаружи ветер воет как голодный койот?

Толстенькая леди с опаской уставилась на незваного гостя, сделала несколько шагов в сторону, утащив за собой зазевавшегося ребенка, и замерла в углу, прижав квадратную кожаную сумочку к своей груди.

– Чего тебе нужно, Альварес? – прошипел старик, злобно сверкая парой глаз из-за стекол своих очков.

Я сделал шаг вперед, громко вздохнул и произнес:

– Добрый человек, угости несчастного бродягу пузырьком спирта. От этой стужи все мои кости ноют и трясутся под шкурой, того и гляди, рассыплюсь на части!

– Ничего я тебе не дам, – отрезал он.

Но затем аптекарь заметил встревоженное лицо леди с ребенком, которая уже собиралась юркнуть в дверь, забыв обо всех своих покупках. Быстро замахав руками, он произнес:

– Ладно-ладно, возьми уж… По-другому тебя не спровадить.

Он резво вытащил из-за прилавка знакомую бутылочку с зеленой этикеткой, поставил ее донцем на полированную столешницу прилавка, толкнул вперед, и уже спустя мгновение пузырек блестел на другом конце доски, прямо у самого моего носа.

– А теперь убирайся, – он вновь с нескрываемым раздражением окатил меня взглядом. – Миссис Грэхем, как чувствует себя ваш сын сегодня? Жар уже прошел?..

Я кивнул сварливому старику на ходу, выскользнув за прозрачные двери, крепко сжимая заветную бутыль в своей ладони. Завидев меня, Бенджамин тут же радостно завилял облезлым хвостом.

С приподнятым настроением обогнув здание аптеки, я уже было собирался забиться в соседний заброшенный дом, когда мое внимание привлекли две новые мужские фигуры, показавшиеся впереди.

Один из них, постарше, пониже и пошире, был одет в плотное шерстяное пальто цвета мокрого асфальта, и шел неспеша, с интересом разглядывая постройки, стоящие на обочине. Второй, черноволосый и тощий, еще совсем юный, суетливо вышагивал чуть впереди, кутаясь в тонкий светлый плащ, и нервно курил сигарету.

Оба незнакомца выглядели как типичные американские копы, и когда очередной порыв ветра толкнул второго мужчину в грудь, на секунду откинув назад полы его длинного плаща, я лишь убедился в этом, заметив висящую на его бедре кобуру.

– Что это за лето такое, – проворчал он на удивление сиплым низким голосом, раздраженно одергивая свой плащ.

– Я ведь говорил тебе, Фрэнк, – спокойно ответил незнакомец постарше. – Стоило одеться теплее.

Я услыхал, как молодой коп фыркнул, а затем отшвырнул прочь обугленный окурок, в котором еще оставалось добрых пять-шесть затяжек. Решив не игнорировать такой щедрый подарок судьбы, я выскользнул из-за угла и быстро подхватил с мокрого тротуара папиросный обмылок, все еще призывно тлеющий красным.

Заметив меня, оба мужчины тут же встали словно вкопанные. Не мешкая, я с удовольствием сделал несколько глубоких затяжек, набрав полные легкие дорогого табачного дыма, которого не пробовал вот уже много лет, затем поклонился и произнес:

– Доброго вам дня, незнакомые люди.

Молодой коп глядел в мое лицо с застывшей гримасой отвращения, а тот, что был постарше – скорее, с изумлением и интересом.

– И вам доброго дня, мистер…

Коп в теплом сером пальто замялся и вопросительно поглядел на меня.

– Альварес, – прокряхтел я, поклонившись. – А это мой старый пес Бенджамин. Мы оба с ним давние жители Дарк Маунт!

– Что ж, мистер Альварес, – с улыбкой ответил мужчина в пальто. – Меня зовут Алекс Рид, а это – мой напарник Фрэнк Миллер. Были рады познакомиться с вами. Увы, дела, по которым мы прибыли в Дарк Маунт, не ждут отлагательств.

– Конечно, – я понимающе отступил в сторону, жестом призвав Бенджамина сесть подле моей ноги. – Удачного вам дня, мистеры!

Коп в сером пальто дружелюбно кивнул мне на прощание, и они двинули прочь вверх по шоссе.

Когда их силуэты скрылись за одним из дальних поворотов, я с укором поглядел на пса, все еще покорно сидящего рядом, и проговорил:

– Ну и что ты на это скажешь, Бенджамин? Кто из нас оказался-то прав? Говорил же я тебе, дурак ты рыжий, что нечисто стало в нашем городишке!

⁂

– Даже не пытайся спорить со мной, – категорично заявил я. – Ты ведь сам-то видел, какие странности творились с тем несчастным парнишкой… Мы должны выяснить, чем это там занимаются те два приезжих копа!

Я с кряхтением втиснул огрубевшие ступни в неудобные ботинки. Они были меньше моих ног на добрых два размера, но когда ты бродяжничаешь и не можешь приобрести одежду своего размера, выбирать не приходится.

К ночи в Дарк Маунт заметно похолодало, и передвигаться по ветренным вечерним переулкам босиком было бы настоящим сумасшествием. К счастью, в моей берлоге нашлось еще и широченное потрепанное осеннее пальто, которое я вытащил из помойки в минувшем году. С удовольствием нырнув внутрь пушистого манто, по-моему, бездумно выброшенного упитанной женщиной, я вытянулся и посмотрел на своего пса.

– Я-то прекрасно знаю, о чем ты сейчас думаешь, Бенджамин, – я погрозил ему указательным пальцем. – Дай тебе волю, ты бы спрятался в свою нору, чтоб отсидеться-то в ней, пока все не утрясется.

Со второго этажа заброшенной лачуги, облюбованной нами двумя в качестве постоянной ночлежки, открывался прекрасный вид на аллею Кахлуа. В теплое время года мы с Бенджамином забирались на ветхую крышу здания, где сидели бок о бок, мечтая каждый о своем и наблюдая за тем, как по ночному шоссе внизу ползет прозрачный туман. Иногда по улице проезжали автомобили, но обыкновенно в городке в темное время суток царила полнейшая тишина.

В зимнюю стужу мы с псом укрывались в подвале старого строения, спускаясь по узкой, неосвещенной деревянной лестнице, в самое жерло осиротевшего дома. Несмотря на то, что эти стены давным-давно были необитаемы, если не считать нас с Бенджамином и залетавших в разбитые окна летних мух и оводов, трубы в подвале все еще были наполнены живительным теплом. А потому нам было уютно даже в самые ненастные зимние ночи, когда Дарк Маунт заваливало снегопадами от асфальтовых дорог до самой середины фонарных столбов.

– Будь я таким малодушным как ты, – продолжал я стыдить рыжего пса. – Так бы никогда и не рискнул-то перебежать через границу в свое время. А это, Бенджамин, тебе не шутки! За свои мечты в жизни-то нужно бороться, вот как должен думать настоящий мужчина!

Пес повернул голову и уставился в мое лицо своими угольками, как если бы на самом деле желал что-то ответить мне.

– Что это там ты удумал-то? – я с подозрением покосился в его морду. – Уж не хочешь ли ты сказать, что не слишком доверяешь словам грязного бродяги? Ты бы поаккуратнее, Бенджамин! Я хоть и терпеливый, но такой обиды от тебя точно терпеть не стану!

Пес широко зевнул и бросил взгляд в темноту, куда-то поверх красующихся пыльными осколками окон.

– Так-то лучше, – удовлетворенно проговорил я. – И чтобы больше я от тебя подобных дерзостей не слыхивал, понял-то? Я мечтал жить в Америке, вот и живу. И неплохо живу, сам-то знаешь!

Мы оба выскользнули из ветхого дома и очутились на улице, где со всех сторон в лицо бил мокрый колючий ветер. На всякий случай оглядевшись по сторонам – не видел ли нас с псом кто-нибудь, я уверенно затопал вверх по шоссе, стараясь не замечать того, как жутко сдавились мои пальцы неудобными ботинками.

– Голову даю на отсечение, что копы потащились в тот жуткий дом! Помнишь-то паренька того, Бенджамин? – я бросил на семенящую рядом собаку беглый взгляд. – Я тебе тогда сразу сказал, что он странный какой-то, а ты мне еще не поверил!

С наступлением ночи единственными живыми созданиями на Кахлуа-роуд оставались только оранжевые пятна придорожных фонарей. Люди здесь почти не жили, ведь аллея давно отвелась под муниципальные здания и торговые лавки. А потому попасться кому-то на глаза я совсем не опасался.

– Жалко паренька-то, – я глубоко вздохнул и чуть не подавился холодным воздухом. – Совсем молодой был, уж точно не старше меня-то, когда я свой побег замыслил… Эх, Бенджамин! И чего не жилось-то ему на этом свете, Santa María!..

Я добрался до старого особняка минут за двадцать – мог бы и шустрее, да несносно давили ботинки. Как я и подозревал, дом изнутри светился желтым: кто-то был там в столь поздний час несмотря на то, что все подходы к зданию давно опечатали местные полицейские.

– Точно тебе говорил, – я шлепнул себя ладонью по лбу. – Всегда-то я прав!

Я не знал, кто раньше обитал в этом угрюмом месте – когда я очутился в Дарк Маунт, занесенный сюда многолетними скитаниями, он уже был заброшен. Должно быть, это была первая постройка, которую я заприметил, обогнув мрачную злобную скалу и очутившись у ее подножия.

Как и много лет назад, дом из трех этажей стоял чуть вдали от давно разбитой дороги. Окруженный со всех сторон когда-то белым забором, а ныне – облупленным поваленным частоколом, он производил особенно гнетущее впечатление по ночам, таращась своим темным фасадом на пустую улицу.

Очень давно, когда я только набрел на Бенджамина, и искал укромное местечко для жизни, где мы могли бы осесть и вести спокойную жизнь, я несколько раз наведывался к этому зданию по вечерам, но каждый раз при одном взгляде на этот особняк по моей спине бежали мурашки. Думаю, я не стал бы коротать в нем ночи даже под угрозой смерти. Уж лучше я бы замерз среди зимы на улице, чем рискнул сунуться сюда под покровом ночи.

Кажется, такого же мнения придерживался и мой старый пес. Потому что, как только мы неслышно подкрались к рухнувшему забору, Бенджамин стал тихо, но отчетливо поскуливать.

– Ну заткнись-то, – шикнул я на него. – Услышат нас и погонят куда подальше. Слышишь, чего я говорю-то? Пасть-то захлопни!

Но упрямая псина, казалось, не собиралась внимать моим командам. Вместо этого Бенджамин внезапно стал пятиться, прижав хвост к самой земле, а после заголосил громче прежнего.

– Несносная трусливая скотина, – я в сердцах хлопнул пса по загривку. – Сиди тут молча! Понял-то? Я сам схожу. Que castigo…

Бенджамин наконец заткнулся, будто осознав, что тащить его в старый дом никто не станет. Жалобно взглянул на меня блестящими угольными глазами и послушно сел, давая понять, что будет молча ожидать моего возвращения.

– Одно слово – животное, – недовольно бормотал я себе под нос, медленно продираясь сквозь колючий облезлый кустарник, росший повсюду вокруг особняка. – Неужто неинтересно узнать, какая чертовщина здесь творится? Неужто все равно?

Обогнув дом справа и подкравшись к одному из светящихся окон, я заметил припаркованную неподалеку машину. Даже отсюда и в полутьме я мог разглядеть полицейский значок на ее капоте. Значит, я действительно был прав и верно подгадал – оба приезжих оказались копами.

Стараясь не издавать ни звука, я зашагал, пригнувшись, вплотную к высокому оконному проему, не без труда подтянулся, ухватившись ладонями за иссохшую деревянную раму, и осторожно заглянул внутрь.

Как я и ожидал, я сразу обнаружил там две знакомые фигуры – молодого мужчину в светлом плаще по имени Фрэнк Миллер, и мужчину постарше в темном пальто, представившегося Алексом Ридом. Оба топтались посреди большой округлой комнаты, освещаемой несколькими толстыми свечами, тлеющими прямо на углу очень пыльного стола, и вели негромкую беседу.

Мне пришлось напрячь весь свой слух, чтобы уловить хотя бы отдаленные обрывки фраз. Молодой черноволосый Фрэнк Миллер раздраженно курил, то и дело стряхивая пепел на вылинявший деревянный пол, а его напарник Алекс Рид терпеливо что-то объяснял, сохраняя при этом крайне встревоженное выражение лица.

– …Пока что все это выглядит чистейшим безумием, – произнес он, окидывая помещение задумчивым взглядом. – Мы провели здесь добрых часов пять кряду, но так и не нашли ни одной внятной зацепки, Фрэнк.

– Зацепки должны быть, – в низком голосе черноволосого мужчины прозвучала настойчивость. – Очевидно, мы недостаточно хорошо их искали.

– Фрэнк, – Алекс Рид громко вздохнул и закатил глаза. – Давай вернемся в мотель и отдохнем, а утром…

– Поезжай, если хочешь, – резко и невежливо перебил напарника Фрэнк Миллер. – Я никуда не уеду, пока не найду хотя бы что-нибудь…

Его фраза оборвалась, и ее продолжения я так и не услышал, потому что мои уставшие от напряжения пальцы внезапно соскользнули с деревянного откоса, и я неловко упал на спину, подмяв под себя колючий сухой кустарник.

На какое-то мгновение все, что я видел перед собой – это ночное небо с россыпью далеких, безжизненных звезд. Но очень скоро небосвод заслонило злое лицо молодого копа.

– Какого черта ты здесь делаешь? – рявкнул он.

Я не слишком изящно поднялся на ноги, на ходу ощупывая свою спину, саднящую от неудачного приземления.

– Не сердись, хороший человек, – миролюбиво ответил я. – Бродяга Альварес не замышлял ничего дурного-то.

– Тогда что же ты замышлял?

Молодой коп Фрэнк Миллер явно не поверил мне. Скрестив руки на груди, он глядел на меня сверху вниз, и выглядел все более раздраженным с каждым мгновением.

– Мне просто стало интересно, зачем вы двое приехали в наш городок. Всего-то и дел! Я подумал, не связан ли ваш приезд-то со смертью несчастного мальчишки?

– Ты знал Стэнли Вайда? – на этот раз заговорил второй коп в сером пальто, и его голос мне понравился куда больше. – Откуда?

Я кивнул и выпрямился.

Кажется, я все же ничего себе не сломал при падении, а лишь немного ушиб позвоночник. Мельком проверив, на месте ли сидит мой трусливый пес Бенджамин, я повернулся к Алексу Риду и ответил:

– Я заметил его сразу, как парнишка появился в городе. Вел он себя очень странно, сложно было-то его не заприметить.

– Странно себя вел? – переспросил Фрэнк Миллер, и мне показалось, что его голос смягчился. – Например, как?

Я нахмурил брови и почесал лоб, стараясь припомнить все в деталях, чтобы помочь приезжим полицейским. К счастью, все эти неприятные события происходили не так давно, а потому в памяти моей осталось достаточно зацепок.

– Я-то живу прямо у аптеки, – проговорил я, ощущая, как две пары глаз с неподдельным интересом таращатся на меня из темноты. – На одной из главных улиц. Так вот парнишка этот, Стэнли Вайд, как вы его назвали, частенько появлялся там. Но лишь рано утром, когда солнце только вставало-то. И все время смотрел на часы на руке, а часов-то у него было много – ремешка два я точно видел, а может и больше. Нервный такой был он, дерганый!

– Несколько пар часов на руке? – задумчиво повторил Алекс Рид и бросил на молодого напарника загадочный взгляд. – А что он делал по утрам на главной улице?

– Так покупал всякие вещи, – ответил я. – То я его видел с большими зеркалами, он тащил их к машине. То вот помню, с банками какими-то он был. А однажды он вынырнул из-за угла с каким-то свертком в коричневой бумаге, да резво так вынырнул, мы с Бенджамином не на шутку перепугались!

– Кто такой Бенджамин?

Фрэнк Миллер хмуро посмотрел в мои глаза.

– Так пес мой же! Я ведь вам говорил-то…

– Не знаешь, что у него был за сверток и где он его взял? – встрял Алекс Рид. – Не рассмотрел, что было внутри?

– Куда там, – отмахнулся я. – Бумага-то плотная, в такую у нас на почте посылки всякие заворачивают… Но если б вы меня пустили в дом, я сразу бы нашел то, что в нем было-то. Форма у свертка была необычная!

Молодой коп громко хмыкнул и подкурил сигарету, пока Алекс Рид с напряженным видом пожевывал нижнюю губу. Я уже порывался воспользоваться возникшей паузой и выклянчить у хмурого полицейского сигаретку, когда второй, в сером пальто, вдруг подал голос:

– Что скажешь, Фрэнк? Может, это не такая уж плохая идея? Альварес, – он повернулся ко мне. – Ты часто бывал в этом доме?

– Ну, – я напряг память, пытаясь подсчитать. – Не так уж часто-то, но бывал.

– И чем он нам поможет? – насупившись, поинтересовался Фрэнк Миллер. – Кроме того, что затопчет все улики и будет путаться под ногами?

Алекс Рид с немым укором поглядел в лицо напарника, как будто мысленно призывая того быть со мной немного повежливее, а затем произнес:

– Я думаю, мистер Альварес мог бы оказаться нам весьма полезным, Фрэнк. Ведь он бывал в доме ранее и должен сразу понять, что изменилось внутри с приездом Стэнли Вайда. Возможно, он укажет нам на то, чего не смогли обнаружить мы.

Вместо ответа молодой полицейский окинул нас обоих холодным взглядом, бросил окурок на мокрую землю, и молча двинул обратно к особняку.

Глава 4. Алекс Рид

– Попроси его прекратить поднимать с пола мои окурки, – негромко проворчал Миллер в самое ухо.

– Дай ему пачку сигарет, если не хочешь, чтобы он это делал, – шепнул я в ответ.

Мы осторожно пробирались по ветхим скрипучим ступеням. Первым шел я, стараясь не торопиться и избегать особенно трухлявых мест: некоторые доски выглядели настолько изношенными и прохудившимися, что ступать на них было действительно опасно.

Миллер плелся прямо позади, бесконечно что-то ворча себе под нос. Пожилой бродяга Альварес завершал эту странную процессию.

– Да, – задумчиво протянул он с выраженным испанским акцентом. – Точно-то, что внизу ничего не поменялось. Это я вам, хорошие люди, со всей уверенностью могу заявить! Мы пару раз заглядывали в этот дом с Бенджамином, и вот с тех пор-то все в доме этом так и есть, как было прежде.

Первый этаж старого особняка выглядел сносно: темный дощатый пол, несмотря на запыленность, оказался целым и добротным, и даже пожухлые обои на стенах кое-где сохранили свой первозданный рисунок. Деревянные панели из красного дерева, слегка вздувшиеся, по-прежнему внушали легкую нотку зависти – очевидно, в былые времена в этом строении проживали отнюдь не бедные люди.

Сквозь кое-где треснувшие и частями вывалившиеся стекла первого этажа временами просачивался непривычно холодный для этого времени года ночной ветер. Нагло заглядывая в тихую и печальную обитель, он тут же трепал загадочные, обезличенные временем обрывки холстов на стенах, свистел в укромных закоулках, куда не добирался свет настольных свечей.

В холле первого этажа даже сохранилась прежняя хозяйская мебель: несколько изящных кресел на высоких дубовых ножках с напрочь истлевшей обивкой, тяжелый кофейный столик и узкий резной шкаф, в котором, должно быть, ранее хранились всякие важные бумаги и личные письма.

Альварес, несколько опасливо оглянувшись по сторонам, тут же уверенно заявил, что ничего особо интересного он не заметил. Когда мы очутились на втором этаже, вскарабкавшись по нещадно скрипящим под нашей тяжестью ступеням, бродяга повторил то же самое: дом выглядит ровно так же, как выглядел всегда.

Однако, стоило нам добраться до небольшой квадратной площадки, венчающей последнюю деревянную ступень, как он заметно занервничал. Сперва он замер на опустевшем лестничном подмостке, не решаясь двинуться вслед за нами, а затем стал шумно втягивать носом воздух.

– Пахнет-то странно, – пробормотал он себе под нос. – Не так, как раньше… В прежние-то времена весь дом вонял пылью и сырыми досками, а тут-то иным чем-то пахнет…

– Что ты там лепечешь? – пробасил Миллер, остановившись посреди пустого темного коридора и резко обернувшись к бездомному.

Он поднял свой ручной фонарик и посветил им прямо во встревоженное лицо бродяги. Казалось, что Альварес враз утратил свое прежнее спокойствие. Его черные глаза испуганно бегали под седеющими бровями туда-сюда, будто выискивая нечто в кромешном мраке третьего этажа.

– Говорю, запах здесь не такой, – произнес он, шумно сглотнув. – Раньше-то иначе пахло!

– Ты что-то чувствуешь, Миллер?

Я тоже остановился, стараясь рассмотреть лицо Альвареса, которое с каждым мгновением выглядело все более испуганным.

Я не раз слыхал о том, что коренные жители солнечных прерий обладают неким мистическим чутьем, а также очень суеверны и набожны. Еще несколько минут назад наш внезапный ночной гость казался совершенно умиротворенным, болтая без умолку на ломаном английском, чем изрядно выводил из себя молчаливого Фрэнка. Теперь же бродяга выглядел как загнанное в ловушку животное, предчувствующее своим нутром незримую опасность.

– Нет, – молодой детектив неуверенно втянул узким носом воздух. – По-моему, здесь пахнет тленом и сыростью. Точно так же, как и внизу.

– Я тоже не могу унюхать ничего странного, – я растерянно посмотрел на застывшего у лестницы мужчину. – Альварес, ты уверен, что тебе это не кажется?

Он резко замотал головой, отчего его всклокоченные черные волосы заметались во все стороны.

– Хорошие люди, точно вам говорю, – негромко просипел он. – Пахнет тут чем-то иным… Будто вишнями гнилыми. Плохой, плохой запах! Недобрый!

– Может, кто-то из местной бригады полицейских что-нибудь пролил на пол, – я махнул Миллеру, призывая продолжить путь. – Предполагаю, третий этаж не раз переворачивали вверх дном после того, как обнаружили здесь труп мистера Вайда.

Но, к моему удивлению, Фрэнк и не думал следовать за мной. Он по-прежнему стоял на месте, пристально таращась в лицо встревоженного бездомного. Тонкие пальцы молодого детектива судорожно вцепились в рукоять фонаря, отчего кожа на них стала мертвенно-белой – еще более светлой, чем обычно.

– Миллер?.. – неуверенно начал я, но он резко вскинул вверх свободную ладонь, явно призывая меня помолчать.

– Мне кажется, я видел что-то, – едва слышно шепнул он, не отводя своих зрачков от Альвареса. – Мне показалось, что за спиной у мексиканца что-то промелькнуло.

– Уверен? – так же тихо спросил я, напряженно всматриваясь в темноту, разливающуюся на лестничной площадке. – Может, тебе почудилось?

– Нет, – он уперто качнул головой. – Я…

– О чем вы там шепчетесь, хорошие люди? – нервно поинтересовался Альварес, все еще топчась на одном месте и боязно оглядываясь по сторонам. – Обо мне-то? Или как?

Фрэнк опустил фонарик и негромко вздохнул, после чего вместо ответа выудил из кармана плаща новенькую пачку сигарет.

Позади наших спин уплывал в никуда чернильным пятном бесконечный коридор, из которого в обе стороны вели еще не так давно наглухо заколоченные двери. Перед тем, как мы спустились вниз после нескольких часов тщетных поисков улик, и столкнулись нос к носу с любопытным бродягой, мы успели изучить этот этаж вдоль и поперек.

Я знал, что справа, за ближайшей дверью, скрывается тесная комнатушка без окон, в которой нет ничего, кроме толстенного слоя пыли на деревянных половицах. А немного дальше – там, куда свет наших фонарей уже не мог дотянуться, находилась заброшенная детская: линялые обои, изображающие пышные облака, все еще сохранились на давно покинутых стенах.

Слева, прямо напротив двери в детскую, зиял чернотой провал, где некогда преграждала путь массивная дверь. Очевидно, во время первичного обыска полицейские выломали ее вместе с петлями. В самом конце коридора, неподалеку от высокого округлого окна, стекла которого оказались тщательно закрашены глянцевой краской изнутри, а потому не пропускали ни толики света, располагалась последняя комната – та, где и обнаружили тело Стэнли.

– Я посоветовался со своим напарником, – нагло соврал Фрэнк. – Мы готовы заплатить тебе пятьсот баксов, если ты пойдешь с нами и осмотришь помещение в конце коридора.

– Пятьсот?

Глаза бродяги округлились от удивления. Он неловко запустил загорелую ладонь в спутанные космы волос и задумчиво почесал затылок.

– И две пачки отменных сигарет, – серьезно добавил Миллер, вытягивая блестящие картонные прямоугольники. – Ну, что скажешь?

– Такие деньжищи-то, конечно, нам с Бенджамином бы не помешали… – проскрипел мужчина, после чего поежился и зачем-то обернулся назад, словно предчувствуя шкурой что-то невидимое. – Я бы, будь моя воля, убрался-то отсюда, да поскорее… El infierno! Черт с ним, я согласен!

Альварес наконец сдвинулся со скрипучей верхней ступени, после чего быстро засеменил в нашу сторону. Он все еще находился в некотором смятении, о чем явно свидетельствовали слишком резкие, утратившие прежнюю плавность, движения. Глубокие борозды между густыми смолянисто-сизыми бровями бездомного говорили об одном: если бы не кругленькая сумма, он ни за что не сделал бы и шагу.

Первым в дальнюю спальню вошел Миллер, затем, прибавляя яркость ручному фонарю, порог переступил и я. Альварес появился последним, все еще принюхиваясь к спертому воздуху и вкрадчиво разглядывая обстановку в темной комнате.

– Ничего этого не было раньше, – уверенно произнес он, тыча грязными пальцами в зеркала, стоящие вокруг старой металлической кровати. – Вот постель-то я помню, Бенджамин на ней все порывался поспать, но я его прогнал… А зеркал здесь не было, ни единого!

– Что-то еще? – поинтересовался Миллер, прикуривая. – Насчет зеркал мы с Ридом в курсе. Покойный мистер Вайд купил их в местном магазине и самолично приволок в дом.

Бродяга-мексиканец нахмурился, шумно вздохнул и принялся обходить просторное помещение шаг за шагом, внимательно изучая каждую деталь.

Дальняя спальня представляла собой унылое и безрадостное зрелище: оставшаяся с древних времен кровать, одна деревянная тумба с глубокими трещинами, и до невозможности пыльный, грязный круглый ковер, на котором со странным, почти страдальческим выражением лица, сейчас топтался Фрэнк. Все это сгрудилось в самом центре комнаты.

На стенах, облезлых и покрытых плесенью, там и сям виднелись потеки – очевидно, крыша особняка давно прохудилась и давала течь при любой непогоде. Два небольших, узких окна, были закрашены, как и в коридоре третьего этажа, а потому в спальне царил бы кромешный мрак, если б только не яркие полицейские фонари.

– Окна, – Альварес вытянул руку и указал на мутные стекла. – Раньше они были прозрачными!

Миллер, не скрывая своего разочарования, громко вздохнул.

Я повернулся к нему, чтобы жестом призвать напарника проявить терпение и дать нашему гостю возможность как следует осмотреться. Однако все мысли вылетели из моей головы, стоило мне лишь увидеть лицо молодого детектива.

Из его пепельно-серых глаз медленно катились темно-красные, багровые капли, похожие на кровавые слезы. Смущенный и растерянный, он вытирал их рукавом светлого плаща, однако поток капель от этого только усиливался. К своему ужасу, я с запозданием заметил, что кровь идет и из его носа: срываясь вниз, тонкие ручейки тут же расползались по вороту его белоснежной рубашки.

Мы обменялись взглядами, и в зрачках Фрэнка я прочел неподдельный испуг. Очевидно, он тоже не понимал, что с ним происходит.

– Господи, Миллер… – я бросился к детективу, на ходу вытаскивая из кармана пальто чистый носовой платок. – Что с тобой?

Он молча отшвырнул прочь тлеющий окурок, что было довольно глупым решением, учитывая ветхость и трухлявость дощатого пола. Однако Альварес, топтавшийся неподалеку и все еще пристально изучающий взглядом комнату, тут же машинально схватил его с пола.

Пока я вытирал побелевшее лицо Фрэнка от потеков крови, он стоял, будто окаменевший, бессильно хлопая серыми глазами. Кровотечение тем временем и не думало стихать: с каждым мгновением ручейки страшных алых слез становились все ярче, и я в отчаянии пытался сообразить, чем я могу помочь напарнику в этой кошмарной, дикой ситуации.

Однако прежде, чем я успел произнести хоть слово онемевшими губами, Альварес первым нарушил мертвую тишину:

– Ковра на полу-то не было прежде, хорошие люди. Точно ведь!

Я мельком опустил глаза вниз, и тут же наткнулся взглядом на вылинявший, старый ковер, определить оттенок которого уже не представлялось возможным. Он настолько гармонично вписывался в ветхий интерьер помещения, что я невольно засомневался – не напутал ли чего пожилой бездомный?

Однако я все же схватил Миллера за похолодевшую ладонь и интуитивно стащил прочь с обезображенного ковра, затем усадил на пол в углу комнаты и велел прижать платок как можно плотнее к векам, чтобы остановить глазное кровотечение.

– Думаю, на сегодня хватит, – рассеянно пробормотал я, обращаясь к бродяге. – Моему напарнику нездоровится, и…

– Я в порядке, Рид, – тут же возразил низкий голос Миллера. – Кажется, все прошло.

Я обернулся, и с неподдельным изумлением обнаружил, что Фрэнк как ни в чем не бывало снова стоит на ногах. Багряные ручейки с его лица исчезли: теперь о них напоминали только неровные красные разводы, оставшиеся на щеках, и измазанная кровью одежда.

– Что за… – я потер обеими руками гудящий лоб, стараясь собраться с мыслями. – Какого черта вообще здесь происходит?

Пока я, все еще опешивший после внезапного исцеления Фрэнка от не менее неожиданного недуга, молча глядел в перепачканное кровью лицо детектива, едва не расставшегося с жизнью всего несколько минут назад, Альварес, бормоча себе что-то под нос на испанском, внимательно обходил мрачную спальню по кругу. Неприятное происшествие явно осталось им незамеченным: он сосредоточенно изучал весьма скромное убранство комнаты, всеми силами пытаясь отработать щедрое денежное вознаграждение.

– Ты точно в порядке? – негромко произнес я, не зная, что еще могу выдавить из себя. – Может, лучше все же вернуться в мотель?

– Я в порядке, – неестественно грубо процедил Миллер. – И мотель никуда от нас не денется. Давай продолжим работу.

Я развел руками, бессильно кивнул и подошел к молодому детективу, на воротничке рубашки которого все еще блестела свежая кровь.

Он вытащил из кармана плаща полупустую пачку сигарет, закурил, чиркнув зажигалкой, сделал глубокую затяжку, после чего неожиданно резво запрыгнул на старый круглый ковер, встав прямо в его центре и жестом одной руки приказав мне оставаться на своем месте.

Я послушно застыл, наблюдая за нахмурившимся Миллером. Очевидно, в его голове созрела некая идея, которую он собирался проверить, однако я все еще не понимал, какая именно.

– Альварес заявил, – с задумчивым видом проговорил Фрэнк, зажав зубами тлеющую сигарету. – Что этого ковра здесь раньше не было. Зачем, по-твоему, Стэнли Вайд стал бы тащить сюда этот кусок дерьма, пропахший плесенью?

Я растерянно передернул плечами:

– Понятия не имею, Миллер.

– У ковра обрезаны края, ты не заметил? – он кивнул куда-то вниз. – Кто-то уменьшил его после того, как принес сюда. Я заметил обрывки шерстяных ниток на полу.

Я поглядел туда, куда он указывал, и с удивлением понял, что Фрэнк прав. Лишь после его слов я обратил внимание на чрезмерно пушистые, свежие края круглого паласа. Как будто кто-то срезал лишний радиус ткани совсем недавно.

– Что ты хочешь этим сказать?

Я уставился в глаза напарника, стараясь не обращать внимания на бесконечное бормотание Альвареса, снующего где-то позади. Я уже было собирался шагнуть к Миллеру и встать рядом с ним, но он вновь не позволил мне ступить на поверхность ковра, предупреждающе вскинув ладонь и окатив меня грозным блеском своих расширенных зрачков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.